

МОНОЛОГ ВМЕСТО ДИАЛОГА

Горько осознавать, что вместо того, чтоб сидеть рядом с Владимиром Федоровичем Тендряковым и говорить обо всем, о чем так настоятельно хочется говорить сегодня, мне предстоит монолог. Позвольте рассказать о двух встречах, которые произошли, когда Владимира Тендрякова уже не было с нами. Первая — летом 1987 года во время телевизионной передачи «Из золотого фонда ЦТ», вторая — спустя несколько месяцев, на страницах журнала «Новый мир». Телевизионная встреча принесла радость узнавания человека, близкого всем своим нравственным строем, близкого духовно. Она принесла радость и горечь, потому что эта встреча запоздалая. Не успел, не договорили. Жил совсем рядом, болел нашей общей болью, настойчиво думал — и вот уже «золотой фонд»! Телевстреча по-иному нарисовала портрет писателя, укрупнила, приблизила, помогла услышать голос, сделала близким миллионам людей, которые раньше любили и ценили его книги, но не имели возможности познакомиться лично. Увидеть Владимира Федоровича на экране — было нечаянной радостью, подарком судьбы, на который, конечно, никто из нас не рассчитывал. И это запомнилось, врезалось в память, несмотря на то, что подобные передачи стали для нас уже привычными.

Ну, а прозвучи она несколько лет назад? В ту пору, когда создавалась, — она была бы явлением исключительным. И сегодня она напоминает олимпийский рекорд, который, несмотря на наличие других рекордов, будет держаться очень долго. По пронзительной откровенности, по искренности всего того, что в ней прозвучало, — эта встреча с Тендряковым стала явлением в нашей общественной жизни.

Прошло меньше года. И вторая встреча потрясла еще больше. Голос писателя, уже знакомую мне интонацию я узнавал в каждой строчке рассказов, опубликованных в третьем номере «Нового мира» за 1988 год.

Время сейчас возвращает нам то, что было у нас так несправедливо отобрано. Журналы буквально захлестнул поток блестящих публикаций. О существовании многих из них мы знали, слышали, подозревали. Рассказы В. Тендрякова стали для меня открытием. В четырех небольших по форме новеллах читалась биография эпохи. Воистину «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» — и эти роковые минуты были не только отражены в рассказах, не только показаны в людях, во взаимоотношениях человеческих, но еще и точно датированы. Причем каждая дата сама по себе была еще и поразительным штрихом эпохи, документальным свидетельством обличающей силы. И так, с одной стороны — глубочайшая трагедия, которая несла в себе характер обобщения, с другой — живая история, сведенная к точному факту. И в этом сочетании заключалась огромная сила воздействия рассказов.

Полифония рассказов такова, что трудно отдать предпочтение одному из них. Когда я раскрыл первую страницу, я не подозревал, что через несколько минут уже не смогу оторваться от них до самого конца и что их чтение станет для меня событием. А случилось именно так.

Рассказ первый — «Пара гнедых» — прозвучал как реквием по той лучшей части крестьянства, рожденной уже революцией (отнюдь не кулачества), которая, спасая себе жизнь, сломалась. Надорвалась психологически и уже больше никогда не смогла принести пользу своему народу. Люди эти превратились в простых исполнителей, послушных чужой воле, лишенных инициативы и самостоятельности. Антон Коробов не только нашел выход — добровольно отдав своих чудо-коней, не только остался жив, но и формально победил. Фактически же, купив жизнь, он погубил душу. Я воспринял этот рассказ как историю гибели той части крестьянства, которая должна была стать будущей опорой сельского хозяйства страны, опорой в грядущей войне.

Рассказ «Хлеб для собаки» поразил меня своими босховскими красками. Трагедия, которая только разворачивалась в первом рассказе, здесь достигла своего апогея. В пристанционном скверике добивали уже сломленных, вырванных с корнем из родных мест людей. Они погибали, сохраняя остатки человеческого достоинства. Волей автора рядом с этим миром оказался ребенок, мальчик, впервые осознавший себя человеком. Даже тот факт, что он сыт и обеспечен, оборачивался против него, становился невыносимо постыдным обвинением, опустошал внутренне. Как выстоять, сохранить душу? В тот момент, когда он отдал кусок хлеба собаке, — он был спасен. И в этом исключительном повороте сюжета сказалась сила дарования писателя.

К сожалению, понимание всего происходящего к нам пришло много лет спустя. И в моей жизни был подобный сквер. Но уже в Ленинграде, против Витебского вокзала. В 1933 году он тоже был переполнен беженцами с юга страны, с Украины. Перед нашим домом в этом сквере-саду тысячами лежали и погибали люди. От этих детских воспоминаний у меня остался горький след...

Мы жили рядом, проходили мимо в школу, возвращались домой обедать, с захватывающим любопытством смотрели на церковь, которую взрывали неподалеку. Это было нашими буднями. Только зло это долго не соединялось у нас с именем Сталина. И дальше, в годы войны, когда мы слушали по радио из Москвы речь 6-го ноября 1941 года, — Сталин оставался для нас олицетворением добра, спасителем Отечества. Даже в 1953-м — мы слезами и всенародным горем провожали вождя, который и в смерти собрал свой последний кровавый урожай. Понимание и прозрение пришло позже. Поэтому так важны нам эти рассказы сегодня. Рассказы, помогающие осмысливать историю.

Рассказ «Параня» вызвал у меня почти парадоксальный эффект. Пароксизм смеха и ужаса. Указующий перст божьей невесты, таинственное исчезновение людей, массовый психоз, кликушество — все сплелось в единый клубок. Единственным живым человеком во всей этой фантазмагории оказался бандит Зорька Косой. И все это не фантастика, а узнаваемая реальность.

Первый рассказ датирован 1929-м годом. Военный рассказ «Донна Анна» — 1942-м. Тринадцать лет жизни нашей страны...

Владимир Федорович Тендряков прожил до 1984 года. Хотелось бы надеяться, что завершающим знаком этой истории является не точка, а многоточие. Хотелось бы прочесть ещё и другие страницы из нашей истории, истории трагической, героической, единственной в своем роде, написанной великим Мастером.

*В. Гольдманский, академик,
лауреат Ленинской премии*